

лонамъ самое гармоническое¹⁾), — а потомъ вмѣсто „дэндизма“ — парты, никакихъ сапогъ, или лапти, посконная рубаха; вмѣсто пробора — грязный ремешокъ съ запаомъ сыростины...

Передъ вами — то „дженрльменъ“ въ „жерсэ“ гимнаста (были и такія увлеченія въ жизни Толстого). ²⁾, висящій на параллельныхъ брусьяхъ, то коренастый, пожилой мужчина, замазанный глиной.

И вмѣсто гимнастическихъ машинъ кирпичная печь въ избѣ мужика, надъ которой трудится графъ.

И, Боже, сколько доставалось Толстому за все это. „Присяжные засѣдатели“ литературы немало потратили перьевъ на описываніе, на осужденіе, на „остроумное“ объясненіе всѣхъ этихъ противорѣчій.

А Толстой продолжалъ быть Толстымъ. При всѣхъ своихъ измѣненіяхъ, продолжалъ идти своей дорогой, т. е. дѣлать свою жизнь, всю жизнь, ища ея смысла!

Вдумайтесь въ эти слова; „дѣлать жизнь“, т. е. сейчасъ реализовать всякую мысль, въ которую искренно вѣришь.

А его укоряютъ въ противорѣчіи?

Толстой никогда не оставался въ области словъ.

И слова-то онъ цѣнилъ постольку, поскольку они разъясняли дѣла. Вчитайтесь въ его слогъ. Въ немъ нѣть той „музыки“, которую выдавливаютъ изъ себя иные писатели новѣйшей формациіи.

¹⁾ „Дѣтство“, „Отрочество“, „Юность“.

²⁾ Братья Л. Н., гр. Н. Л. Толстой, передавали Фету (см. Воспоминанія Фета I т. 237 стр.) со словъ старосты: „придѣль къ барину т. е. къ Л. Н. за приказанье, а баринъ, зацѣпившись одной колѣнкой за жердь, виситъ въ красной курткѣ головой внизъ и раскачивается; волосы отвѣсили и мотаются, лице кровью налилось; не то приказанія слушать, не то на него дѣлаться“.